

ИМПЕРСКИЙ ИДЕАЛ В ПОЭМАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ИЗМАИЛ-БЕЙ» И «МЦЫРИ»

Киселёва И.А.,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русской классической литературы,
Московский государственный областной университет

Ключевые слова: предания о Византии, граница, имперская идея, мусульманство, отечество, христианство

Первая половина XIX века жила в особой атмосфере эсхатологизма, связанной с событиями войны 1812 года, которые обострили идеи священного Царства, доставшиеся России в наследство от Византийской Империи. Эти настроения во многом определили и самосознание Лермонтова, увидевшего в Александре I «нового Августа». Поэт является в своём творчестве как человек именно русского христианского мира с его духовным максимализмом, и заветная идея русского православия – идея Москвы-Третьего Рима-Нового Иерусалима, воскрешающая предания о Византии, государстве, воплотившем идеал христианской империи, становится важным пунктом формирования образной системы его произведений.

Образ Русской Империи в его исторической преемственности представлен в поэме Лермонтова «Измаил-бей» (1832), где уже в конце первой строфы третьей части поэт прореклет великое будущее Русского народа: «Настанет час – и новый грозный Рим // Украсит Север Августом другим» [4. - Т. II. С. 241]. Россия связана с Римом через Константинополь, и поэт подчеркивает эту связь, вводя в сюжет поэмы мусульманскую тему. Эта первая строфа служит, подобно ирмосу в каноне – литературном жанре, который сформировался в византийской традиции, – призмой, через которую следует рассматривать основной сюжет последующего текста. Поэт констатирует в «ирмосе» поэмы «Измаил-бей»:

Смирись, черкес! И запад, и Восток
Быть может скоро твой разделит рок
Настанет час – и скажешь сам надменно
Пуškai я раб, но раб царя вселенной [4. - Т. II. С. 241].

Мотив Царя Вселенной также восходит к византийской культурной традиции, как и сюжет всей поэмы, который имеет довольно прозрачные аналогии в предсказаниях о Константинополе, по преданию, имевшей в своей основе реальные факты, получившие символическое истолкование. Согласно преданию, когда Император Константин производил «размерение» будущего града, то «внезапно выполз из норы змей и пополз к месту, где происходила работа. Но вдруг выше спустился орел, схватил змея, поднялся с ним на воздух и скрылся на несколько времени из глаз. Наконец, змей, обвинившись вокруг орла, обмотал его и пал с ним вместе на землю <...> Тогда прибежали люди, убили змея и освободили орла» [7. - С. 241]. Смутившийся Император обратился к книжникам и мудрецам, и они так истолковали ему событие: «Орел есть знамение христианское, а змей – знамение бусурманское. И так как змей одолел орла, то это означает, что бусурмане впоследствии одолеют христиан; но, так как христиане убили змея и освободили орла, то это предзнаменует, что напоследок христиане одолеют бусурманство, и возьмут Седмихолмие и в нем воцарятся» [7. - С. 9].

В другом произведении – «Видение монаха Даниила» – излагается такое пророчество: православный Царь, получивший оружие от ангелов, победит измаилтян следующим

образом: «первую часть победит оружием, вторую крестит, а третью же отженет с великою яростью» [7. - С. 67]. Отголоски этого видения можно видеть и в лермонтовском тексте. Все чувства и мысли главного героя поэмы – Измаил-бея, его борьба против русских – это борьба отчаяния личной обиды, но он уже побежден, знаком чего выступают золотой локон, который он хранит как святыню, и «белый крест на ленте полосатой» на его груди:

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятый,
И белый крест на ленте полосатой
Блестали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? — Джаяр проклятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный Измаилу
Отступнику не выроет могилу!» [4. - Т. II. С. 247].

Измаил-бей не хоронят сородичи, для которых он был героем и свободу которых отстаивал, этим самым они констатируют его отверженность от себя, но у него есть перспектива – будучи христианином, он имеет возможность вечной жизни. Возможно, что Лермонтов акцентировал в образе Измаил-бея «победу крещением» христиан над мусульманами, о котором и пишет монах Даниил. Если же рассматривать текст Лермонтова исходя из установки символического прочтения, следуя опыту византийской экзегетики, и практике построения канона, то представленный образ означает целостную победу христианства, оттого и «омрачился взгляд» сородичей героя, они «ужаснулись». Этот ужас мусульман, о которых пишет Лермонтов, сродни ужасу, испытываемому им при воспоминаниях о пророчествах, связанных с изгнанием турок из Святого Города. До сих пор, пишет исследователь конца XIX века, есть в Турции «указ (фирман) Порты, которым строго запрещено Грекам давать своим детям при святом крещении имя Константин» [7. - С. 62], как памяти об императоре Константине – правителе христианской Империи.

В поэме «Сашка» (1835-1836?) Лермонтов, прикрываясь лёгкостью слога «иронической поэмы», обращается к важным духовным вопросам, в том числе будто бы мимоходом касается и темы освобождения Константинополя от власти мусульман. Именно так могут быть истолкованы следующие слова автора:

...я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки,

И где, как пишут, жили наши предки! [4. – Т. III. С. 87].

Поэма «Сашка» имеет не только обличающий, но и оптимистический пафос. Возвышенные авторские монологи о величии Москвы и восхищение Кремлём – «столетним русским великаном», одолевшего «чужд<ого> властелин<а>», без сомнения, являются знаком живой памяти величия русской христианского государства и условием духовного воскрешения лирического героя. Освобождение государства от иноземных захватчиков и память об этом является в поэме знаком и залогом освобождения лирического героя от страстей и образа жизни, противоречивого по отношению к национальным устоям.

В древних пророчествах делается акцент именно на том, что Константинополь освободят сыны Севера, те самые «сыны снегов, сыны славян», о которых пишет Лермонтов. Мефодий Патарский напоминает, что «Мурины верят, яко полуночный некий самодержец», «царь и великий князь Московский, сей бусурманскую Мегметскую скверную ересь и Богопротивный закон истребит, и потребит и погубит до конца» [7. – С. 69]. Именно в пророчествах связанных с Византийской империей акцентируется, что русские – сыны Севера, сыны полночи. Лермонтов выделяет этот аспект уже на лексическом уровне. В поэме «Измаил-бей», например, встречаются стихи о том, что воспоминания «пленительней, чем голубые очи у нежных дев славянской полуночи». И именно дева «славянской полуночи» является и причиной страданий героя. Также и в других текстах, по преимуществу героического характера, поэт называет русских сынами полночи.

Мысль о русских как сынах Севера особенно остро начинает звучать в период войны 1812 года и близко следующей рецепции этих событий. Ободряя православных воинов, вставших на бой с армией Наполеона, М.В. Кутузов писал в тексте Приказа от 29 октября 1812 г.: «Итак мы будем преследовать неутомимо. Настанут зима, вьюги и морозы; но нам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов; она есть надёжная стена Отечества, о которую всё сокрушается» [1]. А.И. Тургенев размышлял: «Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством Севера и блистательным отомщением за бесполезные злодеяния и преступления южных варваров» [6]. Александр Богословенный, вспоминая празднование православной Пасхи, уже в побеждённой Франции также называл русских воинов сынами Севера: «Вот, думал я, по неисповедной воле Провидения, из холодной отчизны Севера привёл я православное моё русское воинство для того, чтобы на земле иноплемеников, столь недавно ещё нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совою очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по короле Французском» [8]. Победа православного воинства в 1812 году и символическое его вхождение в Париж в преддверии Святой Христовой Пасхи явилось и неким духовным стимулом для актуализации идеи Москвы – Третьего Рима во всем комплексе сопровождающих её ассоциаций. И образ орла, который истолковывался в пророчествах о Константинополе как символ христианского мира, а его победа как победа христиан, появляется и в пророчествах, связанных с войной 1812 года и освобождением

России. Ф.Н. Глинка так описывает духовную ситуацию перед Бородинским сражением: «Сама по себе, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окружённый штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствование, несколько голов поднялось кверху и послышалось: «Орёл парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали «ура!», и этот крик повторился всем войском...» [2].

Поэма «Измаил-бей» не стоит особняком в творчестве Лермонтова. Та же тема – утверждение Православного государства и силы северной страны – содержится, например, в стихотворении «Спор» (1841):

«Не хвались ещё заране! –
Молвил старый Шат, –
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»
Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущён;
И, смутясь, на Север томный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки... [5. – л. 2]

Это стихотворение, автограф которого хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, сам Лермонтов (в автографе слово Север написано с прописной буквы, тогда как современные издания ставят строчную) переписал известному славянофилу Ю.Ф. Самарину [5]. Идея победы русских на Кавказе образно выражена и в поэме «Мцыри» (1839). Еще О.П. Ильинский, ссылаясь на появление в поэме образа генерала Ермолова, говорил об ее имперском характере. Поэма «Мцыри» строится тоже отчасти по образцу богослужебных текстов, и здесь есть своеобразный вариант ирмоса, который видится в следующих стихах:

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков. [4. – Т. II. С. 51]

Затем разворачивается сам сюжет: жизнь плененного иноверного ребёнка в православном среде, его побег в природно-родной край, и, наконец, возвращение героя в монастырь. Мусульманская тема в окончательной редакции поэмы «Мцыри» отодвинута на второй план, но она ясно прослеживается в черновиках. В одном из вариантов поэмы в обморочном состоянии Мцыри видит своего отца-мусульманина, который манит его «могучею рукою». Не отвечая на зов кровного отца, в следующих строках поэмы герой просит руку отца духовного: «Прощай, отец... дай руку мне». В окончательном варианте Лермонтов «выбрасывает» вставной эпизод с видением Мцыри от-

ца-мусульманина, и развивает мотив видения некоторого «сказочного» (идеального) мира. В полуобморочном состоянии Мцыри видится прекрасная картина:

И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них;
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина... [4. – Т. II. С. 68]

Рыбка шепчет Мцыри «странные речи» о любви, о воле, о ценности жизни. Образ рыбы в христианстве имеет глубокий символический смысл. Апостолу Петру, закидывающему невод и ловящему рыбу, Христос предрекает, что он будет «ловцом человеков» - человеческих душ для Царства Небесного. Само греческое название рыбы Ихтиос (др.-греч. ἰχθύς) составлено из следующих слов: Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель (Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ). Изображение рыбы долгое время служило выразительной эмблемой христианской Церкви. В первые века христианства христиане носили на шее (вместо привычного сейчас креста) фигурки рыбы из различных материалов, например, перламутра (традиция использования перламутра при изготовлении «святынек» для паломников до сих пор сильна в Иерусалиме). В своей работе «О граде Божием» Блаженный Августин также говорит об образе рыбы, под которым таинственно понимается Христос, который «в бездне смертности», подобно как «в глубине вод», мог остаться живым, так как был бессмертным. Это указание на бессмертие Христа «в бездне смертности» даёт и мысль о чуде возможности явления образа Града Божьего в этом мире, образа Царства небесного в Царстве земном. В сознании Лермонтова православное Царство (Византия, Россия) живёт в своём высшем значении жизни именно в подражании Царству небесному. Анализ художественной ткани поэмы «Мцыри», рассматриваемой в единстве замысла и его образного воплощения (учитывая редакции) позволяет говорить о сопряжённости в сознании Лермонтова мотивов земной и небесной родины и превалировании духовного (небесного) при сознательном выборе формы явленности идеи.

Кавказ – один из ведущих топов художественного мира Лермонтова, красота и возвышенность кавказской природы неизменно привлекают эстетическое воображение поэта. При этом образ Кавказа в творчестве Лермонтова обладает не только художественной выразительностью, но и многоплановостью истолкования. Одним из аспектов этого образа является его пограничность. Являясь границей между мусульманством и христианством, будучи местом наивысшего напряжения военно-политических сил России лермонтовского времени, местом утверждения России как Великой Державы, образ Кавказа в творчестве Лермонтова живо воскрешает память о пророчествах, связанных с освобождением великой христианской святыни – Константинополя, явившего в своем бытии некий вариант образа неба на земле, что было так внутренне близко и желаемо поэту, всегда тяготившемуся несовершенством этого мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анекдоты и достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем, достопамятных его речей и приказов. СПб., 1814. С. 64.
2. Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). Ч. 1. М., 1839. С. 39.
3. Ильинский О.П. Основные образно-смысловые закономерности поэмы Лермонтова «Мцыри» / Русское возрождение. М. 1996. № 2-3. С. 200.
4. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 тт. М., Художественная литература, 1957.
5. Лермонтов М.Ю. Стихотворение «Спор» [Автограф, белойой]//Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд №225. Картон №132. Ед. хр. №1.
6. «К чести России». Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 164.
7. Сим победиши. Славная история Царяграда с его пророчествами, предсказаниями прозорливых мужей и мудрецов о будущем бытии его. Москва. Типография Мартынова, на Тверской ул., д. Локотниковой. 1882. 77 с.
8. Тальберг Н.Д. Умиротворитель Европы. Князь Александр I // Русская бль. Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 237.

